

Ведьма из Ситхи

ВАРКА
СЛАВСКАЯ

Варка Славская

Ведьма из Сити

<https://litres.ru/73442228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва-Сити. Сорок пятый этаж. Идеальная жизнь, дорогие костюмы и ни одного лишнего движения.

Я научилась контролировать всё: бюджет, команду, эмоции. Даже собственную магию. Ту самую, которая вырубает электричество в небоскрёбах, когда я злюсь.

Но он появился и контроль полетел к чёрту. Дамир Волков. Миллиардер. Опасный. Единственный, кто видит мой истинный свет. И не отворачивается.

Жаль только, его семья веками охотилась на таких, как я.

Теперь нам придётся выбирать: любовь или жизнь? Но когда от одного касания летят искры, а мир готов сгореть дотла, остаётся только одно гореть вместе.

Внимание: роман содержит откровенные сцены и предназначен для взрослой аудитории.

Первая книга цикла Ведьмы большого города.

Содержание

Вступительное слово	4
Глава 1. Искры над «Федерацией»	5
Глава 2. Тот, кто видит свет	17
Глава 3. 67-й этаж	31
Глава 4. Чужая кровь	43
Глава 5. Искры на пепелище	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Варка Славская

Ведьма из Сити

Вступительное слово

Дорогая подруга!

Эта книга родилась из очень личного ощущения: как часто нам, сильным и успешным женщинам, говорят, что мы «слишком сложные», «слишком независимые», «слишком много себе позволяем». А я верю, что сложность – это и есть наша сила.

Моя героиня Вета – ведьма. Но её магия – это метафора той самой внутренней силы, которая живёт в каждой из нас. Это история про выбор, про смелость быть собой и про любовь, которая не требует жертв.

Приятного чтения!

С любовью и верой в нашу магию,

Варка

Глава 1. Искры над «Федерацией»

Neva Towers, 45-й этаж / Вторник, 09:15

Я смотрела на своё отражение в тонированном стекле небоскрёба напротив и думала о том, что идеальная жизнь – это просто вопрос правильного освещения.

Москва любит тех, кто умеет просыпаться красиво.

Я смотрю на своё отражение в зеркальной стене спальни и думаю, что жизнь удалась. Панорамные окна моей квартиры на сорок пятом этаже «Neva Towers» выходят на всю Москву сразу – башни Сити, изгиб реки, бесконечные огни. Внизу, за бронированным стеклом, город суетится, но сюда, в мою спальню с итальянской мебелью, шёлковыми простынями и гардеробной размером с чужую квартиру, долетает только тишина. И запах утреннего кофе.

Эспрессо из зёрен, которые я выписываю из Милана, в чашке от Hermès. Я делаю глоток и чувствую, как мир становится идеальным. Идеальная квартира. Идеальная карьера. Идеальное тело после вчерашней йоги. Я – Вета Ветрова, директор департамента стратегических коммуникаций, тридцать лет, своя парковка в Сити, личный водитель и никаких проблем. Абсолютно никаких. Кроме одной: вчера на важных переговорах от моей злости погас свет во всём здании «Федерации».

Я сделала глоток кофе, поморщилась – остыл. И дело было

не в кофемашине.

– Ну давай, – прошептала я, глядя на свои пальцы. – Только не сегодня.

Пальцы были как пальцы. Длинные, с идеальным маникюром «тихий люкс» – нюд, ни грамма кричащего красного. Дорого-богато – это когда никто не догадывается, сколько это стоит. На безымянном – тонкое кольцо Cartier (не обручальное, просто красивое). На запястье – часы, которые я купила на первые серьёзные деньги: небольшие, стальные, с чёрным циферблатом. Без бриллиантов. Бриллианты будут, когда я открою своё агентство.

Я сжала пальцы в кулак, потом разжала.

Ничего.

– Умница, – сказала я своему отражению. – Контроль – это всё.

Контроль был моей религией. Контроль над расписанием, над финансами, над эмоциями. Особенно над эмоциями. Потому что эмоции, как выяснилось в последние полгода, имели привычку вырубать электричество в радиусе пяти метров.

Через сорок минут я выходила из подземного паркинга на своём MINI Cooper S. Машина – отдельная любовь. Британский характер, зелёный металлик, кожаный салон с контрастной строчкой. Когда я садилась в неё, мир становился чуть более управляемым. Под капотом 192 лошади, а в салоне – подогрев всего, что можно подогреть, и аудиосистема, которая делает пробки сносными.

Сегодня пробок почти не было. Я скользила по набережной, ловя взгляды водителей на светофорах. Москва любит красивые машины, но Москва любит и красивых женщин за рулём красивых машин. Я поймала своё отражение в зеркале заднего вида: тёмные волосы, собранные в низкий пучок (строго, но не строго), чёрная водолазка от Toteme, широкие брюки, пальто накинуто на плечи, потому что в машине тепло. Никакой вызывающей сексуальности. Только намёк. Только статус.

Умница, Вета.

Башня «Федерация» встречала меня привычным гулом. Золотой клеткой, в которой я строила свою империю. Здесь, на 55-м этаже, располагался офис моего агентства «PRO-Свет» – мы занимались стратегическими коммуникациями для крупных корпораций. Я была директором департамента. В моём подчинении – двенадцать человек, бюджет на следующий год под сто миллионов, и сегодня у меня были переговоры, которые могли либо поднять меня на новый уровень, либо...

Я выдохнула, нажала кнопку лифта.

Лифт взлетел вверх бесшумно, как хороший бизнес-джет. За стеклом проплывали этажи, люди в деловых костюмах с кофе в руках, офисные плантации опенспейс. Моя стая. Моя территория.

На 55-м этаже я вышла, кивнула секретарю (Лена, 24 года, мечтает стать пиарщицей, пока приносит кофе и заказывает

переговорки), и скользнула в свой кабинет.

Угловой. Три окна. Вид на башню Эволюция и набережную. Стол – стеклянный, прозрачный, чтобы ничего не отвлекало. Компьютер – моноблок последней модели. На подоконнике – три горшка с орхидеями. Белые, фиолетовые, розовые. Они цвели всегда. Даже зимой. Рада, моя подруга-архитектор, подарила их со словами: «Земля тянется к воздуху. Пусть у тебя будет кусочек земли в небе».

Я села в кресло, включила компьютер. Экран загорелся, и тут же погас.

Я моргнула.

Экран загорелся снова.

– Хорошо, – сказала я вслух. – Очень смешно.

Телефон на столе завибрировал. Сообщение от Ясны: «Как ты? Магия не бунтует?»

Я набрала ответ: «Всё под контролем. Вечером увидимся».

Сбросила. Посмотрела на орхидеи. Одна из них, белая, чуть заметно качнулась. Хотя окна были закрыты.

Переговоры были назначены на 11:00.

Я надела пиджак (чёрный, свободный, от того же Toteme), поправила пучок, натянула перчатки. Перчатки – моя слабость и моя защита. Тонкий чёрный кашемир, длиной до запястья. Летом я носила кружевные, зимой – тёплые. Объяснение для коллег: «У меня холодные руки, не люблю рукопожатия». На самом деле: я не люблю чувствовать чужие эмо-

ции. Потому что стоит кому-то дотронуться до меня, и я начинаю слышать их настоящие мысли. А это, поверьте, зрелище не для слабонервных.

Клиент был из Екатеринбурга. Сеть торговых центров, обороты падают, нужна ребрендинговая кампания. Мужчина лет пятидесяти, грузный, в дорогом костюме, от которого пахло сигарами и деньгами настолько старыми, что они уже плесневели. Звали его, кажется, Игорь Борисович.

Я вошла в переговорку, улыбнулась той улыбкой, которую отработывала годами: тёплая, но дистанцирующая.

– Игорь Борисович, рада познакомиться.

Я протянула руку (перчатка – барьер) и тут же убрала, сделав вид, что поправляю манжету.

– Вета Ветрова, директор департамента.

Он посмотрел на меня. Сверху вниз. Оценивающе.

– Какое имя интересное. Вета... Это сокращённое?

– Светлана, – соврала я. – Но все зовут Вета.

– Красиво.

Мы сели за стол. Напротив меня – его помощник, молодой человек с блокнотом, и моя команда: двое аналитиков и арт-директор. Всё шло по плану. Я рассказывала про стратегию, про охваты, про новую целевую аудиторию. Игорь Борисович кивал, задавал вопросы по делу.

А потом переговоры закончились, моя команда вышла, и мы остались вдвоём.

– Вета, – сказал он, подходя ближе. – А давайте обсудим

детали в неформальной обстановке. Ужин сегодня? Я знаю отличный ресторан в «Москве».

Он положил руку мне на плечо.

Это было лёгкое прикосновение. Совершенно невинное. Коллега к коллеге. Но для меня это был удар током. Потому что я услышала его мысли. Не все, обрывками. Картинки: постель, дорогой отель, его лицо надо мной, и мысль: «Таких я ещё не пробовал. Дорогая шлюха в перчатках».

Ирония в том, что я действительно дорогая. Часы на моём запястье стоят больше, чем его машина. Квартира, в которой я просыпаюсь каждое утро, – это не просто жильё, а двухуровневые апартаменты в «Neva Towers» с панорамными окнами на весь Сити, гардеробной, где вещи висят по цветам, и ванной комнатой, из которой можно час любоваться закатом, не вылезая из джакузи. Мои клиенты – люди уровня «Форбс», мои партнёры – мужчины, которые привыкли покупать всё, включая женщин. Но я – не продаюсь. Я строю карьеру, я зарабатываю сама, и единственное, что мне нужно от таких, как он, – это подписанный контракт и уважение к моим границам. А вместо этого – очередной «владелец жизни», который видит во мне только тело под дорогим пиджаком.

Я знаю этот взгляд. Я видела его сотни раз: на светских раутах, в переговорных, в лифтах, где мы случайно оказывались вдвоём. Им всегда казалось, что если у женщины дорогая сумочка и свои деньги, то она просто хочет быть на их

уровне. Они не понимали, что мы уже на этом уровне. Что мы не охотимся за их кошельками, а просто делаем свою работу. И что наши перчатки – это не аксессуар, а броня. За которой – усталость, злость и миллион раз повторённое «нет».

Я замерла.

Внутри меня что-то щёлкнуло. Нет, не щёлкнуло. Взорвалось.

Воздух вокруг меня стал плотным. Я физически ощущала, как он давит на барабанные перепонки. В ушах зазвенело. Орхидеи на подоконнике в кабинете напротив – я видела их через стекло – бешено затряслись.

А потом погас свет.

Весь этаж. Весь 55-й этаж башни «Федерация». Погасли мониторы, погасли лампы, погасли даже аварийные огни. На три секунды.

– Чёрт, – сказал Игорь Борисович, убирая руку. – У вас тут всегда так?

Я сделала глубокий вдох.

– Старые сети, – сказала я ровно. – Москва-Сити, знаете ли. Гигантские нагрузки. Бывает.

Свет загорелся. Лампы замигали, зажглись. Мониторы перезагрузились. За окнами всё было нормально – башня Эволюция сияла, набережная гудела машинами. Только наш этаж.

– Извините, – сказала я, вставая. – Мне нужно проверить, как там команда.

Я вышла из переговорки, не оглядываясь.

В туалете я заперлась в кабинке и прислонилась лбом к холодной плитке.

Руки тряслись. Не от страха. От злости. На себя. На него. На эту чёртову магию, которая решила, что раз я отказалась от бабкиного наследия и переехала в город, то теперь буду платить за это сбоями.

Я посмотрела на свои пальцы. Кончики чуть светились. Еле заметно, как экран телефона в темноте. Я сжала их в кулак, спрятала в карманы пальто.

После обеда меня вызвал генеральный.

Александр Сергеевич, пятьдесят пять лет, седой, подтянутый, в очках без диоптрий (просто для статуса). Он сидел в своём кабинете на 57-м этаже и вертел в руках ручку.

– Вета, присаживайся.

Я села.

– Что случилось на переговорах?

– Всё в порядке. Клиент доволен.

– Я не про клиента. Я про свет. Весь этаж вырубило. Техники говорят – скачок напряжения. Но у нас стоит система защиты, которая такой скачок должна гасить автоматически. Они говорят, это невозможно.

– Александр Сергеевич, я не электрик. Может, городские сети?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

– Вета, ты ценный сотрудник. Я не хочу тебя терять. Но

если такие форс-мажоры будут повторяться, клиенты начнут задавать вопросы. А я не люблю, когда клиенты задают вопросы, на которые у меня нет ответов.

Он протянул мне папку.

– Твой следующий проект. Компания «Volkov Capital». Инвестиционный фонд. Владелец – Дамир Волков. Молодой, амбициозный, циничный. Терпеть не может пиарщиков, но ему нужна стратегия по выходу на новые рынки. Я пообещал, что с ним будешь работать ты лично. Не подведи.

Я взяла папку.

– Не подведу.

Вечером я сидела в баре «Пламя».

Это место нельзя было найти по вывеске. Оно пряталось в подвале старого здания на Пятницкой, и вход туда был через неприметную дверь с домофоном. Но те, кому надо, знали код.

Внутри горели свечи. Много свечей. Тысячи свечей. Они стояли на столах, на барной стойке, в нишах стен. Потому что Ясна, хозяйка бара, не любила электричество. Она говорила, что электричество «высушивает магию».

Ясна была огненной. Во всех смыслах. Рыжие волосы до пояса, зелёные глаза, татуировки по всему телу (драконы, птицы, пламя). Сегодня на ней была кожаная куртка и джинсы, а в ушах – серьги-кольца, в которых отражались свечи.

– Ну, рассказывай, – сказала она, ставя передо мной бокал красного. – Что натворила?

– Вырубилa этаж в «Федерации».

Ясна присвистнула.

– На сколько?

– Три секунды.

– Могла бы и подольше, – усмехнулась она. – Для остротки.

– Ясна, это не смешно. Меня чуть не уволили. И этот клиент... он прикоснулся ко мне, и я услышала его мысли. Там было такое, что я до сих пор отмыться не могу.

Ясна посерьёзнала.

– Вета, сколько раз тебе говорить: нельзя подавлять. Ты как паровой котёл без клапана. Рано или поздно рванёт так, что мало не покажется. Тебе нужен якорь.

– Якорь?

– Мужчина. Который примет тебя такой, какая ты есть. Который не испугается твоего света. Потому что магия – это и есть ты. И если ты будешь прятать себя от мира, мир начнёт мстить.

Я сделала глоток вина, пряча улыбку в бокале. Легко сказать, найди мужчину, который не испугается. Мои бывшие разбегались быстрее, чем я успевала снять перчатки. Кого пугало, что я слишком много зарабатываю, кого – что слишком много требую, а один, помню, сбежал после того, как в разгар ссоры у него в машине загорелась приборная панель. Самовозгорание, сказали эксперты. А я просто очень хотела, чтобы он заткнулся.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном стекле бара. Идеальный макияж, идеальная укладка, идеальная женщина, за которой выстраиваются очереди из миллионеров и топ-менеджеров. И ни одного, кому можно было бы сказать правду. Ни одного, кто, увидев искры в моих волосах, не решил бы, что это просто статика.

Ясна права: я прячусь. За брендами, за статусом, за этой чёртовой «независимостью», которую сама себе придумала. А мир мстит – вырубает свет на переговорах, заставляет орхидеи трястись в такт моему пульсу и подсовывает клиентов с мыслями о «дорогих шлюхах в перчатках».

– Легко сказать. Где я найду мужчину, который не сбежит, когда у меня от оргазма свет гаснет?

Ясна рассмеялась. Звонко, заразительно.

– Вета, ты просто ещё не встретила того, кто увидит в этом самую сексуальную вещь на свете.

Она кивнула куда-то в сторону входа.

– А вон, кстати, смотри. Зашёл один. Явно не наш. Но красивый, чертяка.

Я обернулась.

Серые глаза. Не просто серые – глаза, полные неба перед дождём. Того самого тяжёлого, низкого неба, когда тучи набухли влагой, но дождь всё никак не начнётся. Несбывшиеся прогнозы синоптиков. Обещание бури, которая застыла в ожидании.

Тело отзывается раньше, чем разум успевает включить за-

щиту. Сердце пропускает удар – и проваливается куда-то вниз, в тот самый тёплый, тягучий страх, который бывает только перед падением. Кожа под водолажкой вспыхивает жаром. Где-то в животе сворачивается тугой узел – то, что я считала атрофированным, оказывается живым и пугающе настоящим.

Магия внутри замирает. Никаких искр, никакого желания вырваться. Только настороженное внимание зверя, который почуял себе подобного. Или опасность. Я пока не различаю.

Он высокий. Широкие плечи, чёрное пальто, дорогой костюм под ним. Тёмные волосы с сединой на висках. Красивый. Опасно красивый. От таких нужно держаться подальше.

Но дело не в этом.

Внутри разрастается тепло. Глупое, липкое, невозможное. То, от чего хочется бежать. То, что я запретила себе чувствовать много лет назад. Потому что такие взгляды не бывают просто так. Потому что такие мужчины не появляются случайно. Потому что за этим взглядом – либо падение, либо спасение. И я никогда не умела выбирать правильно.

Свечи гаснут. Все разом.

Глава 2. Тот, кто видит свет

Я не помню, как допила вино.

Помню только, что бокал опустел слишком быстро, а свечи на барной стойке так и горели ровным, спокойным пламенем, будто ничего и не случилось. Будто пять минут назад они не взбесились все разом от одного только взгляда незнакомца.

– Дыши, – услышала я голос Ясны будто сквозь вату. – Ты сейчас лопнешь от напряжения, и у меня здесь всё полыхать начнёт. А мне пожарная проверка в следующем месяце.

Я перевела дыхание. Заставила себя отвести взгляд от мужчины у входа и посмотреть на подругу. Ясна улыбалась той своей хитрой улыбкой, которая означала только одно: она уже придумала план, и мне он точно не понравится.

– Кто это? – спросила я хрипло.

– Понятия не имею. Но тот, светленький, уже пялится на меня как кот на сметану. Сейчас подойдёт знакомиться. А ты сиди и делай вид, что тебе плевать. Посмотрим, что будет.

Я хотела возразить, сказать, что мне пора домой, что завтра важный день, что у меня в сумке лежит папка с проектом «Volkov Capital» и мне нужно готовиться к встрече. Вместо этого я осталась сидеть. Потому что где-то в глубине грудной клетки, под рёбрами, поселилось странное тепло, которого я не чувствовала уже очень давно. Может, никогда.

Тёплое. Тягучее. Опасное.

Светловолосый действительно подошёл к барной стойке через минуту. Уверенный, расслабленный, с той особой породистой грацией людей, которые выросли в деньгах и никогда не знали, что такое отказывать себе в желаниях.

– Добрый вечер, – сказал он, опираясь локтем о стойку. – Я понимаю, что звучит как пошлость, но у вас здесь невероятная атмосфера. Мы с другом случайно зашли и... – он сделал паузу, глядя на Ясну, – потеряли дар речи.

Ясна усмехнулась, поправила рыжий локон, упавший на лицо.

– Атмосфера у меня действительно невероятная. Но если вы ищете место для романтического свидания, то мы закрываемся через час.

– Мы ищем не место. Мы ищем компанию.

И он посмотрел на меня.

Я физически ощутила этот взгляд. Он коснулся моих волос, собранных в пучок, спустился к перчаткам на руках, задержался на лице. Я подняла глаза и встретилась с ним взглядом.

И тут же пожалела об этом.

Потому что в ту же секунду я поняла: тот, второй, тоже смотрит на меня. Он стоял в полумраке у входа, прислонившись плечом к кирпичной стене, и не двигался. Просто смотрел. Тёмный, высокий, с лицом, вырезанным из камня. В его взгляде не было ни намёка на заигрывание, ни привычного

мужского любопытства. Там было что-то другое. Что-то, от чего мои пальцы сжались на бокале так сильно, что стекло жалобно пискнуло.

Он видел меня.

Нет, не так. Он *видел* меня.

– Твоя подруга не хочет знакомиться? – светловолосый кивнул в мою сторону, не оставляя попыток.

– Моя подруга, – Ясна пододвинула ему меню, – сегодня не в настроении для знакомств. Но вы можете заказать что-нибудь выпить и просто наслаждаться вечером.

– Руслан, – представился он, игнорируя меню. – А это Дамир. Мы вообще-то ехали в другое место, но водитель свернул не туда, и мы увидели вашу дверь. Случайность?

В магии не бывает случайностей.

Ясна бросила на меня быстрый взгляд, и я прочитала в нём всё: *он твой, девочка*.

– Бывает, – пожала плечами Ясна. – Что будете пить?

Руслан заказал виски. Дамир не подошёл. Так и стоял у стены, наблюдая. Я чувствовала его взгляд кожей. Он прожигал дыру в моём плече, в шее, в скулах. Я сделала вид, что рассматриваю свечи, но краем глаза всё равно видела его тёмный силуэт.

Искры.

У меня под кожей начали собираться искры.

Я знала это чувство: сначала лёгкое покалывание в кончиках пальцев, потом тепло, разливающееся по венам, а затем

– электричество. Оно поднималось откуда-то из живота, из самого центра, и просилось наружу. Я сжала кулаки, спрята-ла руки под стойку, зажмурилась на секунду.

Не смей. Только не здесь. Только не при нём.

– Вета, – голос Ясны выдернул меня из паники. – Узна-комься, это Дамир. Дамир, это моя подруга Вета. Она, ка-жется, уже собралась уходить.

Я открыла глаза.

Он был холодным снаружи. Но я чувствовала, что внутри него – огонь. Потому что мои искры тянулись к нему. Тяну-лись, как магнит к металлу.

– Вета, – повторил он. Голос у него оказался низкий, чуть хриплый, с той особой бархатистостью, которая появляется у курящих, но он не курил, я сразу это поняла. – Красивое имя.

– Спасибо, мне говорили, – ответила я. Голос не дрогнул. Хотя внутри всё вибрировало.

Пауза.

Свечи горели ровно. Ни одна не дрогнула. Я держала себя в руках так сильно, что, кажется, у меня зубы сжались до скрежета.

– Мы с Русланом искали тихое место, – сказал он, не сводя с меня глаз. – А нашли вас. Вы здесь часто бываете?

– Достаточно.

– Тогда, может быть, порекомендуете, что здесь стоит по-пробовать?

Я смотрела в его стальные глаза и понимала: он не про вино. Он вообще не про еду и напитки. Он про что-то другое. И это «другое» пульсировало между нами, как открытый провод под напряжением.

– Виски, – сказала я. – У Ясны отличный коллекционный виски. Но вам, судя по всему, нужен не виски.

Он чуть приподнял бровь. Единственное движение, которое выдало его удивление.

– А что мне нужно?

Откуда я знаю? Откуда я, чёрт возьми, знаю, что тебе нужно?

Я отвела взгляд. Посмотрела на свечи. Они всё ещё горели ровно. Чудо.

– Мне пора, решите сами – я встала, накинула пальто на плечи. – Ясна, спасибо за вечер. Руслан, приятно было познакомиться. Дамир...

Я запнулась на его имени. Оно было твёрдым, как камень. Дамир. Д-а-м-и-р.

– До свидания.

Я пошла к выходу, чувствуя спиной его взгляд. Каждый шаг давался с трудом, потому что ноги стали ватными, а в груди всё горело. Я почти дошла до двери, когда услышала сзади шаги.

– Вета.

Я замерла. Рука уже лежала на холодной металлической ручке.

– Что?

Он подошёл ближе. Слишком близко. Я чувствовала его запах – дорогой парфюм, древесные ноты, что-то пряное и морозное одновременно. Он оказался выше, чем я думала. Мне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Вы забыли, – тихо сказал он.

Я моргнула.

– Что?

Он протянул руку. На его ладони лежала моя заколка для волос. Та самая, лаконичная, из чёрненого серебра, которую я купила в прошлом году в Милане. Я даже не заметила, как она выпала.

– Спасибо, – выдохнула я, забирая заколку.

Наши пальцы соприкоснулись.

Это было лёгкое касание. Доля секунды. Тысячная доля секунды. Но я почувствовала всё. Электричество ударило от его пальцев к моим, пробежало по руке, взорвалось в плече, в шее, в затылке. Ярко. Больно. Сладко.

Свечи за моей спиной вспыхнули.

Все разом. Ярко-ярко, как маленькие солнца. А потом погасли.

В баре стало темно. Только тусклый свет с улицы пробивался сквозь занавески.

Я замерла. Он замер. В темноте я не видела его лица, но слышала дыхание – ровное, спокойное. И своё собственное

– сбитое, паническое.

– Интересный у вас бар, – сказал он в темноту. Голос звучал абсолютно невозмутимо. – Свет иногда отключается?

– Часто, – ответила Ясна откуда-то из глубины. Я слышала, как она чиркает зажигалкой. – Это часть концепции. Свечи создают интим.

Зажглась одна свеча. Вторая. Третья. Свет вернулся.

Я стояла в двух шагах от Дамира и смотрела на него. Он смотрел на меня. В его глазах не было испуга. Не было удивления. Там было что-то... торжествующее. Как будто он только что получил подтверждение чему-то, во что давно хотел поверить.

– Спокойной ночи, Вета, – сказал он.

Я вылетела на улицу, не попрощавшись.

Ночь была морозной и звёздной.

Я бежала по набережной, стуча каблуками по замёрзшему асфальту, и мой мозг лихорадочно перебирал варианты. Это случайность. Просто совпадение. Свечи могли погаснуть сами. Сквозняки, старая проводка. В конце концов, это же бар, там тысячи свечей, они часто гаснут.

Но я знала правду.

Они вспыхнули от моего прикосновения к нему. От миллисекунды контакта с его кожей. И погасли, потому что я испугалась. Потому что эмоции выплеснулись наружу, и я не смогла их сдержать.

Я остановилась у машины, прислонилась лбом к холодному стеклу двери.

Глупая. Какая же я глупая.

Машина пискнула, открываясь. Я села внутрь, включила двигатель, включила печку на полную. Руки дрожали. Я стянула перчатки и посмотрела на свои пальцы. Они светились. В темноте салона это было видно отчётливо – тонкое голубоватое сияние, пульсирующее в такт сердцу.

– Прекрати, – прошептала я. – Прекрати сейчас же.

Свечение не прекращалось.

Я закрыла глаза и начала дышать. Глубокий вдох. Задержка. Медленный выдох. Бабушка учила меня этому с детства: «Воздух – твоя стихия, Вета. Воздух течёт сквозь тебя. Если ты паникуешь, воздух паникует вместе с тобой. Успокой воздух внутри – успокоишься сама».

Вдох. Задержка. Выдох.

Вдох. Задержка. Выдох.

Когда я открыла глаза, пальцы больше не светились. Только чуть покалывало кончики – память о случившемся.

Я завела машину и выехала на Садовое. Ночная Москва текла мимо, переливалась огнями, дышала миллионами жизней. Я скользила в этом потоке, как рыба в воде, и постепенно отпускало.

Ничего не случилось. Подумаешь, вспышка. В баре темно, никто ничего не понял. Ясна прикроет. Она всегда прикрывает.

К тому моменту, как я въехала в подземный паркинг своего дома, я почти убедила себя, что всё под контролем.

Дома меня ждала тишина.

Моя квартира на 45-м этаже всегда встречала меня тишиной. Идеальный порядок, идеальный свет (умный дом включал приглушённую подсветку, когда я входила), идеальная температура. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы напомнить о хаосе снаружи.

Я скинула пальто на кресло в прихожей, прошла босиком по тёплому полу в гостиную. Москва лежала подо мной, как на ладони – сотни огней, переплетения дорог, тёмная лента реки. Красиво. До мурашек красиво.

Я налила себе воды из стеклянного графина, села на подоконник, обхватила колени руками и уставилась в ночь.

Он снился мне потом.

Дамир.

Я не хотела, чтобы он снился. Я вообще не хотела о нём думать. Но когда я закрыла глаза, его лицо всплыло перед внутренним взором само. Стальные глаза, тёмные волосы, этот его взгляд – тяжёлый, пронзающий, будто рентген.

И его голос: «*Вы забыли*».

Я провела пальцами по заколке. Металл был холодным. Но я помнила, каким горячим было его прикосновение. Помнила, как искры побежали по коже.

«Тебе нужен якорь, – сказала Ясна. – Мужчина, который

примет тебя такой, какая ты есть».

Я зажмурилась и мотнула головой.

Нет. Нет, нет и нет. Я не ищу мужчину. Я строю карьеру. У меня через неделю встреча с новым клиентом, с этим... как его... Волковым. Дамир Волков. Инвестиционный фонд. Папка с проектом лежит в моей сумке, и завтра мне нужно готовить презентацию.

Дамир Волков.

Я открыла глаза и посмотрела на отражение ночной Москвы в стекле.

Совпадение? Имя.

Просто имя. Мало ли в Москве Дамиров? Тысячи.

Но сердце уже колотилось где-то в горле, а пальцы снова начали покалывать.

Я встала, решительно прошла в спальню, достала из сумки папку и включила верхний свет. Нужно работать. Нужно думать о работе. О деньгах. О карьере.

Я открыла папку.

Первая страница. Логотип компании «Volkov Capital». Лаконичный, строгий, чёрно-белый. И внизу мелким шрифтом: «Генеральный директор – Волков Дамир Сергеевич».

Смотрю на эти строчки. Читаю ещё раз. И ещё.

Волков. Дамир. Сергеевич.

Тот самый. Из бара. С глазами, полными грозового неба.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Внутри разрастается холодок – тот самый, который бывает только

перед падением.

Я смотрела на них и не могла пошевелиться.

Свечи в баре. Взгляд, которым он меня раздевал. Прикосновение, от которого погас свет.

«Случайность?»

Я захлопываю папку, убираю её в стол и иду в спальню. Завтра будет тяжёлый день. Завтра я войду в его кабинет и сделаю вид, что вижу его впервые.

Завтра я буду профессионалом.

А сегодня я буду лежать с открытыми глазами и смотреть в потолок, чувствуя, как этот взгляд всё ещё прожигает мне спину.

Это ничего не значит.

На следующее утро я приехала в офис раньше всех.

В семь утра в «Федерации» было пусто и стерильно. Только уборщицы с тележками и редкие сотрудники, которые, как и я, не могли спать по ночам. Я прошла через турникет, поднялась на свой этаж, включила свет в кабинете и села за стол.

Передо мной лежала папка «Volkov Capital».

Я изучила её от корки до корки. Дамир Волков, 35 лет. Образование – МГИМО и Лондонская школа экономики. Начал с нуля, первый миллион заработал в 25 на IT-стартапах. Сейчас в портфеле – десятки компаний, от финтеха до недвижимости. Не женат. Детей нет. В открытых источниках

– ни скандалов, ни громких романов. Идеальная биография. Слишком идеальная.

Я знаю этот тип. В бизнесе такие мужчины – самые опасные. Не те, что орут на совещаниях и хлопают дверями. Не те, что таскают любовниц на корпоративы и светятся в жёлтой прессе. А именно эти, идеальные. С выверенной биографией, стерильной репутацией и полным отсутствием зацепок. Они не оставляют следов. Ни в бизнесе, ни в жизни. Просто потому, что умеют замечать их лучше любого профессионала. Я встречала таких. Под этой идеальной обложкой может скрываться что угодно – от бездушного робота до расчётливого манипулятора, который уже просчитал всё на десять ходов вперёд.

Чёрт, я попала.

Я закрыла папку и посмотрела на орхидеи. Белая сегодня цвела особенно пышно, будто назло календарю.

– Что ты со мной делаешь? – спросила я её. – Почему я не могу о нём не думать?

Орхидея молчала. Растения вообще молчаливые.

В десять утра позвонил Александр Сергеевич.

– Вета, зайди.

Я зашла. В его кабинете пахло кофе и кожей дорогих кресел. Он сидел за столом, и вид у него был... странный. Как у кота, который только что съел канарейку.

– Садись, – кивнул он. – Есть новости по твоему проекту.

Я села.

– В общем, Волков прочитал нашу презентацию. И знаешь, что он сказал?

Я молчала. Сердце колотилось где-то в ушах.

– Он сказал, что хочет вести проект лично с тобой. Без посредников, без команды. Только ты и он. Встреча завтра в одиннадцать у него в офисе.

Александр Сергеевич протянул мне визитку.

Белая, плотная, без лишнего. Только имя, номер и адрес.

«Дамир Волков. Volkov Capital. Башня «Меркурий», 67-й этаж».

Я взяла визитку. Пальцы чуть заметно дрогнули.

– Что-то не так? – спросил шеф.

– Нет. Всё в порядке.

– Вот и отлично. Не подведи.

Я вышла из кабинета, прижимая визитку к груди. В коридоре остановилась у окна. За стеклом проплывали облака, а где-то далеко внизу копошились машины и люди. Москва жила своей жизнью.

Башня «Меркурий». 67-й этаж.

Завтра в одиннадцать.

Я посмотрела на своё отражение в стекле. Тёмные волосы, тёмные глаза, бледная кожа. Женщина в идеальном костюме, с идеальной причёской, с идеально пустым взглядом.

– Ну здравствуй, Дамир Волков, – прошептала я. – Кажется, нам есть что обсудить.

И в ту же секунду за моей спиной погас свет.

СНОВА.

Глава 3. 67-й этаж

Москва-Сити, башня «Меркурий», 67-й этаж / Среда, 10:45

Лифт в «Меркурии» пах деньгами.

Это был не тот запах, который можно купить в магазине парфюмерии. Это был запах, въедающийся в стены от долгого соседства с дорогими костюмами, сигарами и чужими амбициями. Я стояла перед зеркальной стеной кабины, наблюдая, как цифры этажей сменяют друг друга с пугающей скоростью, и пыталась унять дрожь в пальцах.

Пальцы сегодня вели себя хорошо. Спокойно. Ни намёка на свечение.

Возможно, потому что я выпила утром тройную порцию успокоительного сбора от Рады. Или потому что водитель вёз меня по Москве так плавно, что я успела медитировать всю дорогу. Или потому что внутри меня поселилось странное, пугающее, притягательное спокойствие, которое появляется только перед прыжком в пропасть.

Я вообще редко сажусь за руль сама – только когда хочу побыть одна или сбежать от всего. В обычные дни у меня водитель, и это не столько дань статусу, сколько необходимость: в пробках можно работать, читать отчёты, готовиться к встречам. Москва не прощает тех, кто тратит время на парковку. Но сегодня утром я настояла, чтобы везли меня.

Потому что знала: если сяду за руль, могу не доехать. Руки до сих пор помнили дрожь.

Я знала, что сейчас будет.

Я знала, что увижу его.

И я знала, что после этой встречи моя идеальная, выстроенная по кирпичикам жизнь никогда не будет прежней.

Лифт дёрнулся и замер. Двери бесшумно разъехались в стороны, открывая взгляду холл 67-го этажа. Стекло, бетон, хром. Минимализм, который стоил дороже любого барокко. За стойкой ресепшена – девушка с лицом фотомодели и улыбкой, отточенной до микрона.

– Вета Ветрова? – спросила она, хотя это был не вопрос. – Дамир Сергеевич ждёт вас. Пройдёмте.

Я пошла за ней. Каблуки тонули в густом ворсе ковра, делая шаги беззвучными. Мимо проплывали переговоры со стеклянными стенами, комнаты для отдыха с кожаными диванами, кофе-пойнты с кофемашинами, которые стоят как моя первая машина.

Остановились мы перед матовой стеклянной дверью в торце коридора. Ни таблички. Ни опознавательных знаков. Только ручка из матового металла и домофон с камерой.

– Входите, – сказала девушка и растворилась в коридоре так же бесшумно, как появилась.

Я взялась за ручку. Металл обжёг ладонь холодом. Или это мои пальцы снова нагрелись?

Глубокий вдох. Задержка. Выдох.

Я толкнула дверь.

Кабинет Дамира Волкова не был кабинетом.

Это был космос.

Стеклянный куб, нависающий над Москвой. Панорамные окна в пол – от стены до стены, от пола до потолка. Город лежал внизу, как игрушечный – башни Сити, изгиб Москвы-реки, купола, высотки, бесконечные серые ленты проспектов. Солнце заливало помещение таким ярким светом, что на секунду пришлось зажмуриться.

А в центре этого света стоял он.

Дамир.

Сегодня на нём был тёмно-синий костюм идеальной посадки, белая рубашка, никакого галстука. Рукава пиджака чуть приподняты, открывая запястья с часами – классика, тонкое золото, чёрный ремешок. Он стоял у окна, прислонившись бедром к подоконнику, и смотрел на меня.

Ждал.

Смотрел.

И в этом взгляде не было ни грамма той деловой отстранённости, которую я готовила себя встретить. Там было что-то тёплое. Живое. Нет, не тёплое – горячее. Как уголёк под пеплом.

– Вета, – сказал он.

Моё имя в его голосе прозвучало иначе, чем утром у Ясны. Сейчас в нём не было вопроса. Было утверждение. Кон-

статация факта. *Ты здесь. Я ждал. Ты пришла.*

– Дамир Сергеевич, – ответила я официально, делая шаг вперёд. – Спасибо, что согласились на встречу.

– Просто Дамир, – он чуть улыбнулся одними уголками губ. – Мы же не на приёме у президента. Проходите, присаживайтесь. Кофе? Чай? Что-то покрепче?

– Кофе, – сказала я, садясь в кресло напротив его рабочего стола. Кресло оказалось таким глубоким и удобным, что в нём хотелось остаться навсегда. – Чёрный. Без сахара.

Он кивнул, подошёл к кофемашине, стоящей на отдельной тумбе. Я смотрела, как двигаются его руки – уверенно, без лишних движений. Как он достаёт чашку (белый фарфор, тонкий, почти прозрачный), как засыпает зерна, как нажимает кнопки. В этом было что-то интимное. Хозяин кабинета, который сам варит кофе госте.

– Не думал, что увижу вас так скоро, – сказал он, не оборачиваясь. – После вчерашнего вечера.

– Я тоже не думала, – честно ответила я. – Но бизнес есть бизнес.

– Бизнес, – повторил он, и в этом слове мне послышалась усмешка. – Да, конечно. Бизнес.

Он поставил передо мной чашку. Кофе пах божественно – горький, насыщенный, с едва уловимой ноткой карамели. Я обхватила чашку ладонями, чувствуя тепло сквозь фарфор. Перчатки я сняла ещё в лифте. Здесь, на 67-м этаже, они были ни к чему.

– Вчера в баре... – начал он, садясь напротив.

– Вчера в баре был странный вечер, – перебила я, не давая ему договорить. – Там иногда гаснет свет. Старое здание.

Я сказала это и тут же поняла, как глупо это прозвучало. Старое здание. В Москва-Сити. В башне, построенной пять лет назад. Я работаю в Сити пять лет, я знаю здесь каждый камень, каждую инженерную систему. Здесь нет старых зданий. Есть только новые и очень новые. И свет гаснет здесь только в одном случае, когда его гашу я. Но он не может этого знать. Или может? Я подняла на него глаза, пытаюсь понять, купился ли он на эту чушь. Судя по его лицу – нет.

– Старое здание, – эхом отозвался он. Смотрел на меня в упор. Серые глаза, стальные, но сейчас в них плавилось золото от солнечного света. – А я уже решил, что это вы.

– Я?

– Вы так красиво смотрите в свете свечей, – сказал он просто. Без намёка на флирт. Как констатируют факт: «сегодня среда» или «за окном идёт дождь». – Я подумал, может, свечи решили устроить вам овацию.

Я поставила чашку на стол. Аккуратно, чтобы не звякнуть. Внутри всё вибрировало, но я держала лицо.

– Вы всегда говорите клиентам такие комплименты?

– Вы не клиент, – ответил он. – Вы – Вета. И я говорю вам правду.

Пауза. Длинная, тягучая, как карамель. В ней помещалось всё: вчерашний вечер, вспышка свечей, его взгляд в баре,

моё бегство. И сегодняшнее утро, и этот кабинет, и кофе, который он сварил своими руками.

– Расскажите о проекте, – сказала я, первой нарушая тишину.

Он улыбнулся. Чуть шире, чем до этого. В уголках глаз собрались тонкие морщинки – следы привычки улыбаться редко, но искренне.

– Рабочий настрой. Ценю. Хорошо, Вета. О проекте.

Следующие полчаса мы говорили о деле.

Я рассказывала о стратегии продвижения, о каналах коммуникации, о целевой аудитории. Он слушал внимательно, задавал острые, точные вопросы, которые выдавали в нём не просто инвестора, а человека, привыкшего вникать в детали до микрона. Я отвечала чётко, держа спину прямо, чувствуя себя в своей стихии.

Но краем сознания я всё время отмечала детали.

Как он чуть подаётся вперёд, когда я говорю о важном.

Как его пальцы крутят ручку – дорогую, тяжёлую, из чёрного лакированного дерева.

Как он смотрит на мои губы, когда я делаю паузу, чтобы сделать глоток кофе.

Как на его висках блестят серебряные нити – первая седина, которая старит его ровно настолько, чтобы добавить шарма, но не убавить молодости.

И ещё. Я чувствовала его. Не магией – нет, магия молча-

ла, придавленная утренним зельем Рады. Я чувствовала его женщиной. Тем, что было во мне до всякой магии, до бабкиных уроков, до побега в Москву. Тем первобытным, что тянется к мужчине, как к источнику тепла.

Это пугало сильнее любых магических сбоев.

– ...поэтому я предлагаю сделать акцент на диджитал, – закончила я мысль. – Ваша аудитория – люди 30-45, успешные, занятые. Они в телефонах. Им нужен контент, который они могут потребить за пять минут между встречами.

Дамир кивнул. Смотрел на меня неотрывно.

– Я согласен. Знаете, Вета, я обычно терпеть не могу пиарщиков.

– Я в курсе. Мой генеральный предупреждал.

– Но с вами... – он сделал паузу, подбирая слова. – С вами я готов обсуждать всё что угодно. Потому что вы говорите дело. И потому что...

Он замолчал. Отвёл взгляд в окно, на Москву.

– Потому что? – спросила я тихо.

– Потому что вы не пытаетесь мне понравиться, – сказал он, глядя на город. – Вы просто делаете свою работу. Это... редкое качество. Освежающее.

Он снова посмотрел на меня. И я увидела в его глазах то, от чего сердце пропустило удар.

Там была не просто симпатия. Там был голод.

– Я ценю профессионалов, – добавил он ровно. – И я хочу, чтобы этот проект вели именно вы. Лично. Без посредников.

– Это уже обсуждалось, – кивнула я. – Я готова.

– Тогда предлагаю закрепить сотрудничество неформальной встречей, – он встал, подошёл к окну, встал почти вплотную к стеклу. – Сегодня вечером. Ужин в «La Maree». Вы знаете этот ресторан?

Я знала. «La Maree» на Крымской набережной. Один из самых дорогих и закрытых ресторанов Москвы. Чтобы попасть туда, нужно либо быть своим, либо иметь счёт, который позволяет не думать о ценах.

– Дамир, – я тоже встала, подошла ближе. – Это деловая встреча?

Он обернулся. Мы стояли в метре друг от друга. За его спиной плыли облака, а внизу текла Москва.

– А вы хотите, чтобы это была деловая встреча? – спросил он тихо.

Я смотрела в его глаза. Сталь, золото, тепло. Там не было холода. Ни капли. Он не играл. Он спрашивал всерьёз.

– Я не знаю, – ответила я честно. – Я не знаю, чего я хочу.

– Тогда позвольте мне пригласить вас на ужин, – сказал он. – Без ярлыков. Без обязательств. Просто два человека, которым есть что обсудить. И которым... приятно общество друг друга.

Это была ловушка. Самая сладкая ловушка в моей жизни. Я знала, что должна отказаться. Сказать: «Давайте ограничимся рабочими встречами». Встать, попрощаться, уйти.

Вместо этого я кивнула.

– Хорошо. Во сколько?

– В семь. Я пришлю машину.

– Не нужно, я сама.

– Вета, – он улыбнулся той самой улыбкой – редкой, тёплой, от которой морщинки у глаз становились глубже. – Позвольте мне хотя бы это. Я хочу вас встретить.

Я сдалась.

– Хорошо. В семь.

Выходя из кабинета, я чувствовала спиной его взгляд. У лифта обернулась. Он стоял в дверях, засунув руки в карманы брюк, и смотрел. Обычный мужчина в дорогом костюме. Но для меня он светился. Я видела это отчётливо – тёплое золотистое свечение, которое окутывало его фигуру, как второй кожей.

Я моргнула. Свечение исчезло.

Или это была игра света?

Лифт открылся, я шагнула внутрь. Двери закрылись, отрезая меня от его взгляда.

В кабине я прислонилась спиной к зеркальной стене и закрыла глаза.

«Дура, – сказала я себе. – Ты влипла, Вета. Ты влипла по уши».

Я сидела на заднем сиденье своего MINI и смотрела в окно. Москва мелькала за стеклом: набережные, мосты, проб-

ки, люди. Я думала о Дамире.

О его глазах. О его голосе. О том, как он смотрел на меня.

И о том, что через несколько часов мы снова увидимся.

Внезапно картинка за окном поплыла. Я зажмурилась, пытаюсь удержать реальность, но она ускользала, как вода сквозь пальцы.

Шестнадцать лет назад. Тверская область, деревня Глуховка.

Зима. Тьма. Холод, который пробирает до костей, несмотря на печь.

Я сижу на полу в бабкиной избе, поджав ноги, и смотрю, как бабушка режет курицу. Обычная курица, рыжая, с пёстрыми перьями. Она не кудахчет, не бьётся. Замерла на столе, будто знает, что сопротивление бесполезно.

– Смотри, Вета, – говорит бабка. Голос у неё сухой, как прошлогодняя трава. – Смотри и запоминай. Кровь – это жизнь. Без крови нет силы.

Лезвие полоснуло по горлу. Кровь хлынула в глиняную миску – тёмная, густая, парящая на морозе. Курица дёрнулась раз, другой и затихла.

– Зачем? – шепчу я. Меня тошнит. Мне страшно. – Зачем ты это делаешь?

– Сила требует жертв, – бабка смотрит на меня. Глаза у неё чёрные, без зрачков. – Ты думаешь, магия – это цветочки и улыбки? Это кровь, Вета. Это земля. Это предки,

которые лежат в этой земле и тянут из нас соки, чтобы мы могли жить.

Она макает палец в миску с кровью и проводит у меня на лбу линию. От левой брови до правой. Кровь тёплая, липкая. Я зажмуриваюсь.

– Ты будешь сильной, – шепчет бабка. – Ты будешь сильнее меня. Но ты захочешь убежать. В город. К людям. И тогда кровь начнёт тебя звать обратно. Ты будешь видеть её во сне. Ты будешь чувствовать её запах в самый неподходящий момент. И чем дальше ты убежишь, тем громче будет зов.

– Я не хочу, – плачу я. – Я не хочу крови. Я хочу нормальной жизни.

Бабка смеётся. Страшно, надтреснуто.

– Нормальной жизни не бывает, Вета. Есть только жизнь. И магия. А магия – это всегда кровь. Чья-то или твоя. Выбирать тебе.

– Вета? Вета, приехали.

Голос водителя вырвал меня из кошмара.

Я открыла глаза. Мы стояли у въезда в паркинг «Федерации». За окном было светло, солнечно, обыденно. Ни крови. Ни тьмы. Ни бабкиного голоса.

Только отчётливый, тошнотворный запах сырой земли, который, казалось, въелся в ноздри намертво.

– Спасибо, – сказала я, выходя из машины. Руки дрожали.

На лбу, там, где бабка провела кровавую линию, жгло.

Я вошла в лифт, поднялась на свой этаж, прошла в кабинет, заперла дверь. Села в кресло и уставилась в одну точку.

Флешбеки возвращались. После пяти лет тишины они возвращались снова. Значит, бабка была права. Чем дальше я убегала, тем громче становился зов.

Или дело было не в расстоянии?

Я посмотрела на телефон. На экране высветилось сообщение от незнакомого номера:

«До вечера. Д.»

Я перечитала его три раза. Короткое. Тёплое. Обещающее.

И вдруг поняла.

Кровь звала меня не в прошлое. Кровь звала меня в будущее. Потому что магия просыпалась рядом с ним. А магия без жертв – это просто искры. Чтобы стать силой, ей нужна кровь.

Чья кровь будет пролита на этот раз?

Я отложила телефон и закрыла глаза.

Ответа не было. Только тягучее, сладкое, пугающее предчувствие чего-то, что уже не остановить.

Глава 4. Чужая кровь

*Москва, ресторан «La Maree», Крымская набережная /
Среда, 19:00*

Ресторан «La Maree» встречал гостей тишиной.

Не той тишиной, которая бывает в пустых помещениях, а особенной, бархатной, сотканной из дорогих ковров, плотных портьер и вышколенных официантов, которые умеют двигаться так, что их шагов не слышно вовсе. Здесь не играла музыка. Здесь пахло морем, трюфелями и деньгами.

Я вошла ровно в семь.

На мне было тёмно-зелёное платье из шёлка, которое я купила прошлой осенью в Париже и ни разу не надевала. Длинные рукава, глубокий вырез на спине, длина в пол. Минимум украшений. Только тонкая золотая цепочка на шее и такие же серьги-гвоздики. Волосы распущены – сегодня я решила не прятать их в пучок. Пусть видит. Пусть смотрит.

Он ждал меня за столиком у окна.

Когда я вошла, Дамир поднял глаза, и я увидела в них то самое выражение, от которого внутри всё перевернулось. Он смотрел на меня так, будто я была единственной женщиной в мире. Будто вокруг не было ни официантов, ни других гостей, ни Москвы за стеклом. Только я.

– Вета, – сказал он, вставая. – Вы невероятно выглядите.

– Спасибо, – я позволила ему отодвинуть для меня стул.

– Вы тоже ничего.

Он усмехнулся, садясь напротив.

– «Ничего» – это лучший комплимент в моей жизни. Обычно мне говорят «роскошно», «великолепно» или «вы затмили всех мужчин в зале».

– Я не люблю шаблоны, – ответила я, разворачивая льняную салфетку.

– Я уже понял.

Подошёл сомелье. Дамир заказал вино, не спрашивая моего мнения – и угадал идеально. Пино-нуар, лёгкое, чуть терпкое, с ягодными нотками. Я сделала глоток и почувствовала, как тепло разливается по телу.

– Вы всегда берёте на себя ответственность за выбор? – спросила я.

– Только когда уверен в результате, – ответил он. – А в этом вине я уверен.

– А в людях?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

– В людях я не уверен никогда. Слишком много переменных.

– И во мне тоже?

– В вас, – он сделал паузу, – я пока разбираюсь.

Ужин длился два часа.

Мы говорили о бизнесе, о путешествиях, о книгах, о музыке. Дамир рассказывал о Лондоне, где прожил пять лет, о стартапах, которые выросли в миллиарды, о провалах, ко-

которые научили его не доверять первому впечатлению. Я слушала и ловила себя на мысли, что мне интересно всё. Даже то, как он двигает руками, когда говорит о деньгах. Даже то, как хмурится, вспоминая неудачные сделки.

Он был умён. Остроумен. Иногда язвителен – но пока мягко, в рамках светской беседы.

– А вы, Вета? – спросил он, когда мы доели десерт. – Откуда вы родом? Ваша фамилия... Ветрова. Звучит по-северному.

Я замерла с чашкой кофе в руках.

– Из Тверской области, – ответила ровно. – Деревня Глуховка. Слышали?

– Нет, – он покачал головой. – Но судя по тому, как вы это сказали, вы не очень любите вспоминать.

– Не очень.

– Тогда не будем.

Он не стал давить. Просто перевёл разговор на другую тему. И за это я была ему благодарна.

Когда мы выходили из ресторана, Москва горела огнями. Дамир помог мне надеть пальто, его пальцы задержались на моих плечах на секунду дольше, чем нужно. Я чувствовала тепло сквозь ткань.

– Я провожу вас до машины, – сказал он.

– У меня водитель, – напомнила я.

– Я знаю. Но я всё равно провожу.

Мы вышли на набережную. Ночь была морозной, звёзд-

ной. От реки тянуло холодом, но рядом с ним было тепло. Его машина, чёрный Майбах с затемнёнными стёклами, ждала у входа. Моя – чуть поодаль.

– Спасибо за вечер, – сказала я, останавливаясь. – Было... неожиданно приятно.

– Только приятно? – в его голосе послышалась усмешка.

– Хорошо. Очень приятно.

– Вета, – он шагнул ближе. Теперь между нами было меньше полуметра. Я видела, как блестят его глаза в свете фонарей. – Я хочу вас снова увидеть. Не по работе.

Сердце забилося где-то в горле.

– Дамир...

– Я знаю, что это не профессионально, – перебил он. – Я знаю, что у нас контракт. Мне плевать. Я хочу вас. И, кажется, это взаимно.

Он протянул руку и коснулся моего лица. Провёл пальцем по скуле, спустился к подбородку. Лёгкое, почти невесомое касание. Но я почувствовала его каждой клеткой.

Искры.

Под кожей снова заструилось электричество. Я сжала кулаки, пытаюсь удержать контроль.

– Я... – начала я.

– Не отвечайте сейчас, – сказал он тихо. – Подумайте. Я позвоню завтра.

Он убрал руку, развернулся и пошёл к своей машине. Через минуту Майбах бесшумно растворился в ночном потоке.

Я стояла на набережной, прижимая ладонь к щеке, к тому месту, где только что были его пальцы. Искры плясали под кожей бешеным танцем.

– Вета, садиться будем? – спросил водитель, открывая дверь.

Я села в машину и только тогда позволила себе выдохнуть.

*Москва-Сити, башня «Федерация», офис «PRoСвет» /
Четверг, 10:00*

Утро встретило меня головной болью и отчётами.

Я сидела в своём кабинете, пила третью чашку кофе и пыталась сосредоточиться на цифрах. Но цифры плыли, потому что перед глазами всё время стояло вчерашнее: его глаза, его пальцы на моей щеке, его голос: «*Я хочу вас*».

В десять пятнадцать позвонил Александр Сергеевич.

– Вета, зайди.

Я зашла. В кабинете генерального кроме него сидел... Дамир.

Он был в тёмно-сером костюме, безупречный, холодный, отстранённый. Взглянул на меня мельком, кивнул официально:

– Доброе утро, Вета Ветрова.

Я замерла в дверях.

– Доброе... Дамир Сергеевич.

– Присаживайтесь, – Александр Сергеевич указал на кресло напротив Дамира. – Мы обсуждали детали сотрудничества. Дамир Сергеевич предложил интересную идею, под-

ключить к проекту ещё одно агентство. *Параллельный контур.*

Я посмотрела на Дамира. Он смотрел куда-то в окно.

– Параллельный контур? – переспросила я. – Мы не обсуждали этого вчера.

– Вчера, – он наконец повернулся ко мне, и в его глазах не было ни капли вчерашнего тепла. – Вчера мы обсуждали стратегию. Сегодня я принял решение. Мой финансовый директор считает, что один подрядчик – это риск. Нужна альтернатива.

– Но контракт уже подписан, – я старалась говорить ровно, хотя внутри всё кипело. – Мы согласовали эксклюзивное ведение проекта.

– Контракт можно дополнить, – пожал плечами Дамир. – Я заплачу неустойку, если потребуется. Дело не в деньгах, Вета. Дело в эффективности.

– И кто же это агентство? – спросила я, чувствуя, как пальцы начинают покалывать.

– «Лаборатория коммуникаций». Слышали?

Я слышала. Мелкое агентство, которое последние полгода пыталось отжать у нас клиентов через демпинг. Работали грязно, не брезговали ничем.

– Они не ваш уровень, – сказала я жёстко.

– Это мне решать, – ответил Дамир тем же тоном.

Мы смотрели друг на друга. В его глазах – лёд. В моих – искры, которые я с трудом сдерживала. Александр Сергее-

вич переводил взгляд с одного на другого, явно чувствуя напряжение.

– Вета, – примирительно начал он. – Дамир Сергеевич имеет право...

– Я знаю, – перебила я, вставая. – Если у вас больше нет вопросов, мне нужно готовить документы.

– Вета, – голос Дамира остановил меня у двери. – Оставайтесь. Я хочу обсудить это с вами лично.

Я обернулась.

– Хорошо. Только без свидетелей.

Александр Сергеевич понятиливо вышел.

Мы остались вдвоём. Я стояла у двери, он сидел в кресле.

Тишина длилась целую вечность.

– Что это было? – спросила я наконец.

– Бизнес, – ответил он ровно. – Я же говорил, что не доверяю людям.

– Вчера вечером вы говорили другое.

– Вчера вечером, – он встал, подошёл к окну, – вчера вечером я позволил себе личное. Сегодня утро, и я обязан думать о проекте.

– Вы играете со мной?

– Нет, – он резко обернулся. – Я пытаюсь понять, кто вы. Вчера вы были женщиной в зелёном платье. Сегодня вы – подрядчик. Я должен разделять эти вещи. Иначе мы оба сгорим.

Я смотрела на него и чувствовала, как злость смешивает-

сы с чем-то другим. С уважением. Он не врал. Он правда пытался найти баланс.

– Вы могли предупредить, – сказала я тише.

– Мог, – согласился он. – Не предупредил. Хотел посмотреть на вашу реакцию.

– И как?

– Вы злитесь. Это хорошо. Значит, вам не всё равно.

Он подошёл ближе. Теперь между нами был метр. Рабочая дистанция.

– Проект ваш, – сказал он. – Эксклюзивно. Никакой «Лаборатории». Я просто проверял.

– Проверяли?

– Вас. Вашу стрессоустойчивость. Вашу реакцию на неожиданные повороты.

– Это было жестоко.

– Это бизнес, Вета. В бизнесе нет места нежностям.

Я смотрела в его стальные глаза и понимала: он не холодный. Он просто научился прятать тепло за семью замками. И то, что он показал мне вчера кусочек настоящего себя, – это подарок. Который он сегодня попытался отобрать.

– Я принимаю ваши условия, – сказала я. – Работаем.

– Работаем, – кивнул он.

Я развернулась и вышла, не прощаясь.

В коридоре прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Пальцы горели огнём. Я посмотрела на них – кончики светились голубым. Вокруг никого не было, только пустой ко-

ридор и гул кондиционеров.

– Успокойся, – прошептала я. – Успокойся, дура.

Свечение погасло.

Но осадок остался.

Бар «Пламя», вечер того же дня

Ясна налила мне чего-то крепкого и села напротив.

– Рассказывай.

Я рассказала. Всё: от вчерашнего ужина до сегодняшней провокации. Ясна слушала молча, только брови ползли вверх.

– Слушай, – сказала она, когда я закончила. – А он не придуривается? Может, он реально псих?

– Он не псих. Он... сложный.

– Сложный, – хмыкнула Ясна. – Значит, влюбился и испугался. Классика.

– С чего ты взяла?

– А ты посмотри. Сначала он тает при виде тебя, ведёт на ужин, трогает за щёчку. А наутро – ледяной король. Это ж чистый испуг. Ты ему нужна, а он не знает, что с этим делать. Вот и строит из себя бизнес-терминатора.

Я задумалась. В словах Ясны была логика.

– Ладно, – вздохнула я. – Чёрт с ним. Что у вас?

Ясна оживилась.

– А у нас, между прочим, новости. Помнишь того светленького, Руслана, что с ним приходил?

– Помню.

– Так он заходил сегодня. Один. Якобы выпить. Но я ж вижу – ко мне пришёл. Всё уши прожужжал про Дамира, про бизнес, про то, как вы, ведьмы, существуете. Я, конечно, ничего не сказала. Но мужик занятный.

– Ясна, не вздумай влюбиться в друга своего врага.

– Во-первых, он не враг. Во-вторых, он друг моего потенциального интереса. А в-третьих, – она мечтательно закатила глаза, – у него плечи. Ты видела? Я такие плечи только в журналах видела.

Я рассмеялась. Впервые за день.

– Ты безнадежна.

– Это не я безнадежна, это жизнь. Кстати, Лика звонила.

У неё проблемы.

– Какие?

– Бывший объявился. Тот, абьюзер. Вышел досрочно и теперь названивает. Она в панике.

Я помрачнела. Лика – наша младшая подруга, ведьма воды, самая уязвимая из нас. Её прошлое было тёмным: три года брака с человеком, который считал, что жену можно бить.

– Чем помочь?

– Пока просто будь на связи. Если что, соберёмся и поедем. Навалием.

Ясна сжала кулак, и на её ладони вспыхнул маленький огонёк. Всего на секунду, но я успела заметить.

– Ты тоже не контролируешь?

– Контролирую, – она убрала огонь. – Просто иногда вы-

пускаю пар. Полезно.

Мы помолчали.

– Вета, – сказала Ясна серьёзно. – Ты с Дамиром аккуратнее. Я вижу, как ты светишься, когда о нём думаешь. Это опасно. Магия не прощает сильных чувств. Особенно наша, воздушная. Ветер может стать ураганом.

– Я знаю.

– Знаешь, но делаешь. Я ж тебя знаю.

Я не ответила.

Квартира Веты, поздний вечер

Я сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела на ночной город.

Телефон завибрировал. Сообщение от Дамира:

«Прости за сегодня. Я перегнул. Д.»

Я перечитала пять раз.

Потом набрала ответ:

«Принято. Но если ещё раз устроите проверку на вшивость, я вырублю свет во всём Сити».

Через минуту пришло:

«Вы угрожаете мне, Вета Ветрова?»

«Предупреждаю, Дамир Сергеевич».

«Это опасно звучит».

«Я и есть опасна».

Долгая пауза. Потом:

«Знаю. И это заводит больше всего».

Я отложила телефон и засмеялась. Сквозь слёзы.

За окном, в башне напротив, погас свет. Всего на секунду.
На один этаж. На одно окно.

Я закрыла глаза и приказала себе спать.

Глава 5. Искры на пепелище

Москва-Сити, башня «Федерация», 55-й этаж / Пятница, 18:45

Я сидела в своём кабинете и смотрела на телефон уже двадцать минут.

Экран погас, я нажимала кнопку, он загорался, показывал уведомления: рабочие чаты, спам, напоминание о встрече в понедельник. И тишину от Дамира.

Два дня.

Два дня прошло с того ужина в «La Magee», и за эти два дня он не написал ни разу. Ни сообщения, ни звонка. Хотя на ужине всё было идеально. Слишком идеально. Свечи, вино, его взгляд, от которого у меня внутри всё плавилось. Его голос, когда он сказал: *«Я никогда не встречал никого похожего на тебя, Вета»*. Его рука, накрывшая мою на скатерти – осторожно, словно я была хрупкой статуэткой.

А потом – тишина.

Я понимала, что это глупо. Мы не договаривались о продолжении. Ужин был просто ужином. Деловая встреча в неформальной обстановке, которую он сам так назвал. Но его взгляд... Его взгляд говорил о большем.

Или мне только казалось?

Я отодвинула телефон и уставилась в окно. Москва готовилась к вечеру: зажигались огни, река темнела, небо над

горизонтом наливалось густой синевой. Красиво. Тоскливо. Безнадёжно.

В дверь постучали.

– Войдите.

На пороге стояла Лена, секретарша. Глаза навывкате и амбиции размером с эту башню. Я её не осуждаю, все мы с чего-то начинали. Но сейчас её лицо... такое бывает, когда застаёшь начальника голым в распашную. Или когда узнаёшь, что выиграла миллион. Или когда тебя только что трахнули в лифте, а платье задралось, и ты пытаешься это скрыть, но улыбка всё выдаёт.

Я смотрю на неё и читаю всё, как раскрытую книгу. Не потому что я эмпат, сейчас даже без магии видно. У неё помада чуть размазана в уголке губ, будто кто-то торопился и промахнулся. И этот румянец, который не от стыда, а от того, что кровь ещё не остыла после быстрого, грязного секса в подсобке. Или в машине на подземной парковке. С кем? С тем стажёром из юридического, который строит из себя мачо? Или с женатым начальником отдела продаж, который обещает ей золотые горы, а сам даже презерватив не соизволил купить? Я могла бы копнуть глубже, нырнуть в её мысли, узнать всё до последней детали. Но мне хватает и этого. Потому что я сама была молодой. Сама делала глупости. Сама надеялась, что никто не заметит, как у меня дрожат руки после того, как я сделала выбор, о котором утром пожалею.

– Вета Владимировна, там к вам... пришли.

– Кто?

– Дамир Сергеевич. Без записи. Говорит, срочно.

Сердце пропустило удар, а потом понеслось вскачь. Я сжала пальцы под столом, проверяя, нет ли искр. Вроде тихо.

– Пусть войдёт.

Дамир вошёл, и кабинет сразу стал тесным.

На нём был тёмно-серый костюм, безупречный, как всегда, но что-то в его облике изменилось. Глаза – стальные, холодные. Ни тёплого золота, которое я видела позавчера. Ни улыбки. Только лёд.

– Вета, – кивнул он, закрывая за собой дверь.

– Дамир, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Неожиданно. У вас что-то срочное по проекту?

– По проекту? – он усмехнулся, но усмешка вышла криковой, невесёлой. – Да, можно и так сказать.

Он прошёл к окну, встал спиной ко мне, глядя на город. Плечи напряжены, руки в карманах брюк. От его фигуры веяло таким холодом, что мне захотелось накинуть пальто.

– Я вчера был на мероприятии, – сказал он, не оборачиваясь. – Благотворительный ужин фонда «Искусство жизни». Слышали о таком?

– Слышала, – осторожно ответила я.

– Там было много людей. Политики, бизнесмены, артисты. И журналисты. Знаете, что я увидел сегодня в светской хронике?

Я молчала.

Он обернулся. В глазах – лёд и что-то ещё. Боль? Злость?

– Меня сфотографировали с Кристиной Волиной. Актриса, длинные ноги, пустые глаза. Мы просто стояли рядом, но ракурс был такой, что кажется, будто я её обнимаю.

Кристина Волина. Я даже не знаю, кто это. Какая-то актриса, их сейчас развелось как собак нерезаных, каждый месяц новые лица на обложках глянца. И что? Он переспал с ней? Хочет переспать? Уже переспал и теперь мучается совестью? Или это такой изощрённый способ похвастаться, какой он востребованный? Я молчу, давая ему провалиться в эту паузу. Если он ждёт от меня ревности, то зря. Я не из тех, кто устраивает сцены. Тем более мужчине, которого видела второй раз в жизни. Но где-то в груди предательски кольнуло. И это бесит больше всего.

– Зачем вы мне это говорите? – спросила я. Голос не дрогнул. Чудо.

– Затем, что вы могли это увидеть. И я хочу, чтобы вы знали: это ничего не значит. Она просто подошла поздороваться, я был занят разговором с её спонсором, а фотографии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.